Остров потерянных детей

Автор:
Дженнифер Макмахон

Остров потерянных детей

Дженнифер Макмахон

Саспенс нового поколения

Ученица второго класса похищена при странных обстоятельствах – некто в костюме плюшевого кролика заманил ее в машину и увез в неизвестном направлении. Свидетелем похищения стала Ронда Фарр. Произошедшее удивительным образом перекликается с судьбой ее подруги Лиззи, которая пропала тринадцать лет назад. Втайне Ронда винит себя – оба раза она выступила пассивным наблюдателем и не попыталась предотвратить трагедию. Возможно, брат Лиззи, Питер, поможет ей раскрыть тайну похищений и тем самым искупить вину? Ронда уверена – ему что-то известно о преступнике. Вот только он упорно отмалчивается перед полицией.

Дженни-фер Макмахон

Остров потерянных детей

Посвящается Дре

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог. 24 июня 2006 года

– Погружайся, погружайся, погружайся! – кричала Сьюзи. Вцепившись в потрескавшуюся красно-белую баранку старого «Шевроле», она крутила ее туда-сюда и, дергая переключателем поворотных огней, направляла корабль ко дну.

Она знала, что всплытием и погружением подводных лодок управляет воздух, как знала и то, что увидит под водой: осьминога, коралловый риф, зубастые оскалы акул перед броском. Она видела эту картину уже тысячу раз, и все было в точности как в песенке про сад осьминога, что пела ей мать. Увы, по дороге к саду Сьюзи подстерегали акулы, от которых надо бежать, и вражеские подлодки, пытавшиеся ее торпедировать. И она знала, каково падать в черноту бездны.

У Сьюзи бывали подобные припадки, что-то вроде гроз в голове – так ей объясняли родители, – она теряла сознание, металась, а придя в себя, ничего толком не помнила.

Приступы. Бури в мозгу. Громы и молнии. На запястье она носила серебряный браслет со своей фамилией и странной красной эмблемой: извивающаяся змея – с одной стороны и слово «эпилепсия» – с другой. А еще Сьюзи ежедневно принимала лекарство, крошечные таблетки.

Ей нельзя было играть рядом со старым автомобилем или грудой гнилых досок за бабушкиным домом. Она знала, когда-то в «Импале» с белой полосой на боку ездили люди, сверкали бамперы, и в них отражалось шоссе. Работало радио. Гудел мотор. Когда шел дождь, сверху натягивали белую крышу, этакий модный зонтик.

Теперь же родители запрещали Сьюзи играть там. «Это опасно, – говорили они. – Ты можешь пострадать. Не играй там». Но старая машина манила ее, как манил к себе осьминог, как манили водившиеся в дыре сиденья мыши. Крохотные мышата, розовые и слепые, пищавшие и жившие в гнезде из соломы между ржавых пружин, звали ее хором тоненьких голосков, поющих сквозь крошечные оранжевые зубки. Отвернув рваный красно-белый чехол, она наблюдала за тем, как они шевелятся, словно кончики пальцев. Маме-мышке она приносила еду: ломтики чеддера, крекеры с арахисовой пастой, птичий корм, украденный из

кормушки бабули Лоры Ли.

Сьюзи знала, что любят мыши. К тому же это не простая мышь. Это секретная мама-мышиха, первый помощник капитана подлодки по перископу, подруга осьминога, поведавшего ей, как перехитрить акул. Еще он помог ей достать из ее нутра семерых детишек-червячков. При погружении в морские глубины, где вода вокруг была темна, как чернила, мышки-детишки пищали еще громче.

Сьюзи откинула со лба густые светлые локоны и глянула сквозь треснутое лобовое стекло и боковые иллюминаторы. Бабуля Лора Ли, мама ее мамы, звала Сьюзи «Ширли Темпл» и часами возилась с ее волосами. Покупала ленты и банты, такие миленькие и симпатичные. Увы, Сьюзи, цепляясь за репьи и колючую проволоку, разрывала их в клочья, отчего они годились лишь на повязки куклам или на банданы.

Но в этот день она играла в погружение и чаепитие в саду осьминога, пока ее не начал искать папа. И она устремилась в глубину, все время спасаясь от акул.

– Привет!

Сьюзи вздрогнула, услышав голос. Это был голос усталого мужчины, мужчины, севшего на мель и не понимавшего, что она уже глубоко под водой и его никто не услышит. Сьюзи было запрещено говорить с незнакомцами. Она знала, что может случиться, если заговорить. То же самое, что и с Эрнестиной Флоруччи, с которой Сьюзи училась во втором классе, а теперь ее больше нет. Хотя они жили в Вермонте, где – как поняла Сьюзи из разговоров взрослых – подобных вещей происходить не должно. Как будто, если вы живете в Вермонте, это защищает вас от зла.

Она потянула рычаг погружения и продолжила спуск, думая о чем-то виденном на прошлой неделе в теленовостях, что-то про Эрнестину, но папа вскочил и выключил телевизор, прежде чем Сьюзи успела что-то понять. Ведущий новостей в синем костюме говорил что-то об исповеди. Сьюзи знала, это когда входишь в маленькую кабинку, там сидит священник в белом воротничке. Но тут телевизор вырубился, а родители заговорили шепотом. И они все вместе отправились за мороженым – Сьюзи получила шоколадное с кленовым сиропом и шоколадной посыпкой.

– Что ты тут делаешь? – спросил у Сьюзи мужчина. Голос у него был приятный. Теперь он стоял рядом с ней, положив руки на облупленную красную дверь. В зеленой куртке со значком на груди и рацией на боку. Этот мужчина был полицейским. У него был пистолет.

Сьюзи прищурилась, глядя на него. Свет полуденного солнца из-за деревьев создавал вокруг него нимб, такой, как у ангела. Точно таким же становился мир перед приступом: у всего появлялся нимб, все приобретало ореол святости.

Затем до нее донесся собачий лай – он звучал все ближе и ближе, мужские голоса, шаги, хруст веток, гомон надтреснутых голосов в рациях. Они шли по усыпанной сосновыми иголками дорожке, что вела к озеру. Неужели Сьюзи сейчас арестуют? Неужели родители отправили полицию проверить, не играет ли она, случайно, там, где ей нельзя?

– Как тебя зовут? – спросил мужчина. У него были короткие темные волосы и ямочка на подбородке. – Ты живешь где-то рядом?

Разговаривать с полицией было можно. В этом Сьюзи не сомневалась. Она заморгала.

– Меня зовут Джо, – сказал полицейский, протягивая ей руку. Сьюзи высунула в окошко свою. Его рука была теплой, мягкой и гладкой, как кожа бейсбольной перчатки. Сьюзи сдалась и назвала свое имя.

– Милое имя для хорошенькой девочки.

Она терпеть не могла такие разговоры, все эти ахи и охи: ой, какая хорошенькая девочка, какое милое имя, какие хорошенькие кудряшки, милые ленточки. «Вылитый ангел», умилялись взрослые. Ненавидела все эти подмигивания, кивки, ненавидела, когда ее гладили по головке, как будто проверяя упругость ее локонов.

Там, снаружи, сейчас собаки и мужчины в форме и широкополых шляпах, они пинают ногами листья, смотрят на землю, и собаки тащат людей за собой. Огромные немецкие овчарки, полицейские собаки. Собаки, которые кусаются и в два счета могут откусить вам руку. Сьюзи видела по телевизору передачу про

одного мужчину – он был слепой и нуждался в специальной собаке-поводыре. Эта собака помогала ему переходить улицу, садиться в автобус, делать в магазине покупки. Какие же они умные, эти немецкие овчарки!

Полицейские собаки запрыгнули на груду гнилых досок – утыканных гвоздями, от которых можно запросто подхватить столбняк, – и теперь скулили, лаяли, рыли лапами землю, как будто там был закопан гамбургер или другие собачьи вкусности. Или же наркотики. Собаки умеют вынюхивать наркотики. Об этом им в школе рассказывал Друг-Полицейский. Он даже привел с собой своего верного пса по кличке Сэм, который умеет это делать. На Сэме была кожаная упряжь, как на той собаке-поводыре. Может, этот Друг-Полицейский был слепой и без Сэма не видел наркотиков или вообще опасности? У собак обоняние в сотни раз лучше, чем у человека. Они чуют вещи за многие мили. Собаки – верные, преданные друзья.

Зато собаки слюнявые. А подушечки их лап пахнут чипсами. Еще у них вонючее дыхание, как будто в горле что-то застряло и там испортилось.

Мужчины в форме принялись растаскивать доски. Один фотографирует, а другой снимает на видео. Может, они снимают кино вроде того, в котором снималась ее бабуля Лора Ли? Что, если все они кинозвезды?

– Где же ты живешь, Сьюзи? – спросил Джо. Сьюзи сказала. Еще она сказала ему, что дом ее бабушки по другую сторону вон тех деревьев, но на самом деле бабушка там не живет. Папина мама живет далеко, в отеле для людей, которые пьют лекарства от головы. В бабушкином доме отец сейчас забивает окна, потому что они будут продавать этот дом. Сьюзи сказала ему, что как только он закончит, они вместе поедут проведать бабулю Лору Ли, которая живет у озера в выцветшем розовом трейлере, а вокруг него целая сотня кормушек для птиц. Потому что бабуля Лора Ли любит птиц. Во дворе у бабули Лоры Ли есть белая субмарина, хотя на самом деле это просто газовый баллон, но Сьюзи с самого раннего детства была уверена, что это специальная личная субмарина, в которой можно исследовать дно озера. Бабуля Лора Ли немного чокнутая, так говорит папа, но мама объяснила, что все люди чокнутые, если их узнать поближе.

Даже ее собственные родители, догадывалась Сьюзи. Они играли в этом лесу, словно дети. Груда гнилых досок когда-то была сценой, на которой ее мама была крокодилом, а папа – Питером Пэном.

Полицейский по-прежнему говорил с Сьюзи. Спрашивал, как часто она бывает в лесу, сколько ей лет, в каком она классе, знает ли сейчас ее отец, где она. Затем его окликнул один из мужчин в зелено-коричневой форме.

– Сержант Кроули, мы что-то нашли!

Сержант по имени Джо оставил Сьюзи. Пройдя через круг мужчин в форме и громко лающих собак, он опустился на колени и заглянул в яму, которую до этого закрывали доски, пока мужчины в форме не оттащили их в сторону.

– Звоните судмедэкспертам, – сказал он. – Мне нужна здесь целая команда. Оцепите территорию. Немедленно.

Мышата пищали, прося еды, звали маму, но Сьюзи велела им молчать, пока рядом собаки. Перепрыгнув через заклиненную дверь, которая вот уже много лет не открывалась, она выбралась из «Импалы» и подкралась сзади к мужчинам. Здесь она опустилась на колени и, просунув голову между ног одного из них, увидела в яме ворох старой одежды, красной и порванной. Затем, приглядевшись, заметила, что у этого вороха тряпок есть глаза, зубы и остатки волос.

Но тут сержант Джо подхватил Сьюзи с земли и сказал, что маленьким девочкам здесь не место. А затем попросил показать ему, где сейчас ее отец, и добавил, что ей нечего бояться. Он сейчас отведет ее домой.

5 июня 2006 года

В жизни Ронды Фарр было два Питера. Питер, которого она любила, но который был не ее парнем, и вот этот белый кролик, которого она, словно Алиса в Стране чудес, должна была преследовать в длинной норе. Правда, кролика Алисы не звали Питером. Единственный известный Ронде кролик по имени Питер был в книжке Беатрис Поттер – обыкновенный коричневый кролик с пушистым коричневым хвостом, который постоянно наведывался в сад к бедному мистеру Макгрегору.

С другой стороны, Кролик Питер Ронды был кроликом Эрнестины Флоруччи: весь белый, как она сказала полиции, ростом шесть футов.

– Кролик? – удивились полицейские и приготовились что-то записать в свои черные блокноты. – Ростом шесть футов? Вы уверены?

Хотя полицейские были настроены скептически, мать Эрнестины, Труди, верила рассказу Ронды. Верила, но отказывалась ее простить.

Жизни Эрнестины, Труди и Ронды – возможно, жизнь каждого в Пайкс-Кроссинг – навсегда изменились всего за три минуты. За это время можно сварить яйца всмятку.

Кролик Питер явился Ронде после Пасхи и увел крошку Эрнестину. Было пятое июня. Ронда заехала в мини-маркет к Пэт, чтобы залить полный бак, потому что в тот день предстояла поездка в Берлингтон, на собеседование. Ронда опаздывала, но ей пришлось сделать остановку, так как бензина в баке почти не осталось, одни лишь бензиновые пары.

А еще она подумала, что, возможно, увидит Питера. Она почти все выходные провела с пустым баком, дожидаясь сегодняшнего дня, чтобы заправиться. Потому что знала: сегодня Питер будет в гараже.

Проведать его перед собеседованием, пусть даже перекинуться всего парой слов – мол, привет, как дела? – одно это поднимет ей настроение. Его дом она обходила стороной. Потому что в этом случае ей пришлось бы вести беседы с Ток, придумывать повод, почему она остановилась здесь, и, что самое болезненное, из дома наверняка выбежит Сьюзи и примется скакать вокруг нее – этакое ангелоподобное напоминание о ее собственной никчемной жизни.

Был идеальный день начала июня, не жаркий, но и не слишком прохладный. Ронда вела машину, опустив окна, вдыхая запахи свежескошенной травы и только что расцветшей в садах сирени. Кемпинг на берегу озера Никел-Лейк открылся в День поминовения[1 - День поминовения – национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая; посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие. – (Здесь и далее прим. переводчика).], и до Ронды долетал дымок костров.

Перед заведением Пэм свисали с крючьев пестрые надувные игрушки: морские чудовища, спасательные круги, небольшой желтый плотик и ухмыляющийся крокодил с ручками и углублениями для стакана. Ниже были сложены связки дров по совершенно сумасшедшим ценам. Два автомата для изготовления льда слева от входной двери и реклама в окне заведения обещали холодное пиво, все необходимое для отдыха на природе и допоздна открытые двери. Наконец пришло лето. И вот она, Ронда, в отглаженной белоснежной блузке и костюме цвета хаки. Она с тоской посмотрела на крокодила.

Собеседование, на которое она, по всей видимости, опоздает, было связано с работой, к которой, если честно, у нее не лежала душа. Нет, работа была по специальности (две недели назад она получила степень бакалавра биологии) и неплохо смотрелась бы в ее резюме: ассистент-исследователь полосатых мидий в Университете штата Вермонт. Дело в том, что полосатые мидии были своего рода местной чумой – они заполонили собой все озеро Шамплейн, толстой коркой наростов покрывали водопроводные трубы и останки затопленных судов на его дне, вытесняя другие биологические виды.

Заправиться в Пайкс-Кроссинге можно было только в мини-маркете у Пэт. Отсюда недалеко до озера. Поэтому здесь всегда много народу из кемпинга и летних домиков. А еще считалось, что в заведении Пэт лучше всего покупать лотерейные билеты. Всего пару недель назад один такой счастливчик сорвал джекпот – двести пятьдесят тысяч долларов, а до этого еще один – пять тысяч.

Позднее Ронда узнала, что в тот день Труди Флоруччи остановилась здесь именно затем, чтобы купить лотерейные билеты. Она всегда носила счастливые номера в кармане своей выцветшей джинсовой куртки вместе с деньгами на четыре билета и пачкой ментоловых сигарет какой-то совершенно дешевой марки. Дорогие вроде «Кул» она курила, лишь когда был жив ее муж и она могла позволить себе такую роскошь.

Труди была готова грузить всем этим первого встречного копа, да еще в самый неподходящий момент, не стесняясь выкладывать мелкие, но малоприятные подробности, слыша которые Ронда неизменно морщилась. Это все равно как если бы Труди открыла рот и, оттянув щеку, продемонстрировала копу сочащуюся сукровицей язву.

На бензозаправке с полным обслуживанием работал муж Пэт, Джим. Это надо же такое придумать – с полным обслуживанием! – подумала Ронда. Джим ни разу никому не помыл ветровое стекло! Когда же она однажды попросила его проверить масло, он лишь что-то буркнул и с такой яростью принялся грюкать чем-то под капотом, что у нее тотчас пропало желание еще раз просить его об этом.

В тот день Джим, тощий, как скелет, и длинный, как доска, вышел ей навстречу в голубом комбинезоне, с на редкость скучающим видом. Темные волосы зализаны назад, на щеках – щетина недельной давности.

– Тебе заправиться? – пробурчал он, глядя куда-то вдаль, поверх крыши машины. Затем прихлопнул мошку, жужжащую рядом с правым ухом.

Ронда кивнула ему из открытого окна своей синей «Хонды». Она даже улыбнулась, однако Джим, похоже, этого не заметил. Он, отвинтив крышку, выбрал бензин – обычный (даже не спросив) – и принялся наполнять бензобак.

– Питер на работе? – спросила Ронда как бы невзначай, вглядываясь в гараж.

– Взял выходной, – ответил Джим.

Ронда тотчас приуныла. «Дура-дура-дура», – сказала она себе.

– Сегодня я тут один-одинешенек, – добавил Джим с явной обидой в голосе и потер мочку уха. Похоже, мошка его все-таки ужалила. В этом году вообще наблюдалось настоящее нашествие мошкары.

Пэт тоже не было. Как Ронда узнала позже, та ушла в парикмахерскую. Именно поэтому, когда Труди подкатила на своей заржавленной «Корсике» и остановилась напротив автоматов со льдом, Джим бросил насос, а сам бегом вернулся в магазин, чтобы обслужить Труди. Обычно за кассой сидела Пэт. Она вообще заправляла тут всем: вела бухгалтерский учет, заказывала товар, требовала у старшеклассников удостоверение личности при покупке пива (последнее доставляло ей особое удовольствие). Что не доставляло ей удовольствия, так это когда новый водитель фургона, доставивший товар, или же коммивояжер со своими вопросами, просьбами, предложениями обращался прямиком к Джиму, думая, что тот здесь главный. Некоторые даже называли его

Пэт. Отчего она была вынуждена носить большой бейджик, на котором крупными буквами было написано «ПЭТ ГЕРБЕРТ, ВЛАДЕЛИЦА И МЕНЕДЖЕР БЕНЗОЗАПРАВКИ».

В тот день Пэт уехала в парикмахерскую делать завивку. Труди не стала выключать мотор, полагая, что долго здесь не задержится. Она и радио оставила включенным для своей маленькой дочери, Эрни Флоруччи. Та была пристегнута к заднему сиденью, выцветшему, в грязных пятнах и в дырках от потушенных об него сигарет. Труди только что забрала дочь из школы. На девочке было платье без рукавов из красного вельвета. Ее каштановые волосы были заплетены в косички и стянуты на концах коричневыми резинками. Эрни училась во втором классе. Во втором, подумала позже Ронда, пытаясь вспомнить, какой она сама была в этом возрасте – уязвимой, маленькой и ничего не значащей.

Труди оставила радио включенным, причем довольно громко, потому что Ронда слышала его из своей машины. Это была музыка в стиле кантри. Ронда никогда эту музыку не слушала, хотя радиостанции, которые ее передавали, плодились с невероятной скоростью. Поэтому Ронда и не узнала песню. Песня же была про любовь и, пожалуй, про разбитое сердце. С другой стороны, разве они не все про это, подумает позже Ронда.

Эта музыка отвлекала Ронду, пока она нервно перебирала в уме, что скажет во время собеседования, какие вопросы ей могут задать. Последние два дня она провела, читая про полосатых мидий все, что попадется под руку, чтобы произвести впечатление умной и начитанной. Пусть биологи знают, что она не поленилась выполнить домашнюю работу. Она мысленно перебирала эти факты, размышляя о разрушительной силе инвазивных видов, тихой сапой вытеснявших эндемиков, о фотографиях более крупных по размеру местных моллюсков, которые буквально задыхались от нашествия полосатого агрессора, когда на стоянку перед магазином въехала третья машина и остановилась рядом с «Корсикой» Труди.

Это был золотистого цвета «Фольксваген Жук». Первая мысль Ронды была, черт, это ведь Лора Ли Кларк, мать Ток. Она пониже опустила голову, сделав вид, будто рассматривает дисплей радиоприемника. У нее не было настроения болтать с Лорой Ли. Та наверняка заведет разговор про Питера и Ток («Какая счастливая пара», – обычно щебетала она) и про последнее изобретение крошки Сьюзи («Гений, а не ребенок, мой маленький гений», – вечно твердила Лора Ли).

Потом Ронда, однако, подняла глаза. Дверь машины открылась, и из нее вышел водитель. Вот тогда-то она и увидела, что это вовсе не старая безумная Лора Ли Кларк, а огромный белый кролик!

– Вы хотите сказать, что это был кто-то в костюме кролика? – спросил ее позже полицейский. – Как, например, пасхальный кролик?

– Да, – отвечала она. – Конечно. Костюм белого кролика. Костюм. Мужчина в костюме белого кролика.

– Откуда вам известно, что это был мужчина? Да еще в костюме?

– Не знаю. Просто… просто мне показалось, что это мужчина. Он был высокого роста.

– Шести футов ростом, – повторил полицейский, читая собственные записи.

На самом же деле там, на стоянке перед мини-маркетом Пэт, в понедельник, без четверти три пополудни, когда кролик вышел из машины, Ронде даже в голову не пришло, что внутри костюма может быть человек. Он проворно, но как-то нервно прыгал, словно кролик, то и дело дергая большой белой головой то в одну сторону, то в другую.

Он повернулся к Ронде и, как ей показалось, на миг уставился на нее слепыми пластмассовыми глазами. Ей показалось, будто она увидела, как дернулся его нос, когда он легонько кивнул ей. После чего большой, белой, пушистой лапой постучал по стеклу рядом с Эрни. Маленькая девочка улыбнулась и открыла дверь машины. Кролик наклонился. Эрни ласково погладила его по голове и, почесав его за ушами, отстегнула ремень безопасности.

Кролик протянул ей лапу. Эрни взяла ее в свою маленькую ладошку, вылезла из машины матери и перешла к золотистому «Фольксвагену», где без какой-либо борьбы или колебаний уселась на пассажирское сиденье рядом с водителем. Она все время улыбалась.

У золотистого «фольксвагена» на заднем бампере имелась вмятина. Это все, что Ронда могла сказать полицейским, когда описывала машину. Она сказала им, что

сначала подумала, что это Лора Ли, но, как затем оказалось, она ошиблась. Ей даже в голову не пришло посмотреть на номер.

– Но это был местный номер? Штата Вермонт, а не, скажем, канадский. Например, Квебека? – спросил один из полицейских.

– Да, штата Вермонт, – ответила Ронда, отругав себя за то, что даже не посмотрела на номер машины, чтобы запомнить его. – По крайней мере, мне так кажется.

– Отлично… имелись ли у машины какие-то другие приметы? Что-то такое, что бросалось в глаза? Например, ржавчина? Или что-то на заднем сиденье?

– Я не заглядывала на заднее сиденье. А так нет, это был просто золотой «Жук». Ничего необычного, кроме водителя.

– Значит, кролик, – скептически произнес коп. Тот из двоих, что был ниже ростом. На вид лет девятнадцати, не старше, подумала Ронда, практически подросток. Под тенью широкополой шляпы прыщи на его висках были ярко-красными, больше напоминая нарывы.

– Да-да, кролик. – На этот раз голос Ронды слегка дрогнул – сказывались нервы, усталость и раздражение по поводу того, что ей вечно приходится повторять одно и то же. А еще она знала, что Труди права: то, что Эрни пропала, – целиком и полностью ее, Ронды, вина. Она ничего не предприняла, даже не пошевелила пальцем, видя, как маленькую девочку в красном платьице куда-то увозят. Она наблюдала за событиями, словно за инфузориями в микроскоп – пассивный наблюдатель, пусть даже завороженный зрелищем, что разворачивается у него на глазах.

Но ведь она не пассивный наблюдатель. Она труженик. Она умеет отделить главное от второстепенного. Она методична и смотрит на вещи острым взглядом ученого. Она в любой ситуации знает, каким будет следующий логический шаг. Но по какой-то причине в тот день она сидела и смотрела, словно парализованная. Загипнотизированная белым кроликом.

Второй полицейский разговаривал в другом конце магазина с Труди. Джим вытащил из-за прилавка складной стул с рваным сиденьем и поставил его возле

полки с конфетами, рядом с шоколадными батончиками и драже. На пару с полицейским они подвели к стулу бьющуюся в истерике Труди и теперь, как могли, пытались ее успокоить.

Всего несколько мгновений назад, когда до нее дошло, что Ронда стала свидетельницей похищения ее дочери и при этом даже пальцем не пошевелила, Труди попыталась выцарапать ей глаза своими только что наманикюренными ногтями. С ногтями Труди шутки плохи. Длинные, почти в два дюйма, заостренные на концах, покрытые свежим слоем красновато-оранжевого лака, который своим цветом напоминал Ронде кровоточащий брусок мороженого «Кримсикл». Второй коп, тот, что повыше, и плохо взявший на себя главную роль в расследовании, оттащил Труди и повел ее через весь магазин к складному стулу, который Джим достал из-за прилавка. Ронда осталась понуро стоять, прислонившись к холодильнику с пивом.

– Ты ничего не сделала! – крикнула Труди. – Ты сидела на своей вонючей жирной заднице и смотрела, как мою дочь куда-то увозят!

Ронда не считала свою задницу жирной, но, по сравнению с Труди, с ее шестым размером одежды, она была девушкой крупной. Коренастая, высокая, Ронда носила одежду четырнадцатого размера, а основной свой вес – на боках. Лицо ее было круглым. Она постоянно пыталась найти фасон стрижки, который бы сделал это менее заметным.

Усадив Труди на стул, высокий коп сразу же возобновил допрос:

– Скажите, может, вы знаете кого-то, кто мог увезти вашу дочь? Например, кто-то из родственников или ваш бывший бойфренд?

– Да я, на фиг, вдова! Нет у меня никаких бойфрендов! У меня есть Эрни и моя сестра, вот и все! – разрыдалась она. Тушь для ресниц черными ручейками потекла по ее бледному лицу, прорезая в тональном креме узкие канавки.

– Прошу вас, мэм, успокойтесь. Я понимаю, вам тяжело. Но может, Эрни рассказывала вам о ком-то? Может, это кто-то из родителей ее подруг? Или незнакомец, который видел, как она играет?

– Это был кролик! – выкрикнула Труди. – Гребаный Кролик Питер! О господи!

Она снова разрыдалась и дрожащей рукой принялась искать в кармане джинсовой куртки новую пачку сигарет и зажигалку. На пол выпорхнули лотерейные билеты. Высокий коп нагнулся, чтобы их поднять. И, пока Труди закуривала сигарету, внимательно их рассматривал, словно это были улики.

– Она целый месяц говорила, что к ней приходит Кролик Питер. Что он в своей подводной лодке брал ее на Кроличий остров. Она даже рисовала картинки с ним. О господи! Я думала, что это все ее фантазии!

Джим подошел к Труди и, положив ей на плечо руку, легонько сжал его своими промасленными пальцами.

– Я только что позвонил в салон красоты. Пэт уже едет сюда. Не переживай, Труди. Эрни найдется. Помнишь ту девочку в Вирджинии? Она нашлась, живая и здоровая. Ведь так?

Ронда вспомнила Эллу Старки, восьмилетнюю девочку, похищенную в прошлом месяце в сельской глубинке в Вирджинии. Спустя десять дней ее обнаружили в яме. Она выжила лишь благодаря тому, что собирала в ржавую консервную банку дождевую воду и ела дождевых червей. Ронду передернуло. Труди смерила ее полным ненависти взглядом.

– Эта жирная девка знает больше, чем говорит! – выкрикнула она. – Иначе почему она просто сидела и глазела? Не иначе как она знала того мужика. Вдруг они с ним работают на пару? Она стояла на стреме! Разве похитители так не делают?

– Мы все доскональнейшим образом расследуем, – заверил ее коп.

Прыщавый коротышка-коп вывел Ронду на улицу. Теперь они разговаривали на забрызганном пятнами масла асфальте.

Ронде было видно, как Труди смотрит на нее сквозь оконное стекло, украшенное рекламой пива и сигарет.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО СРЕДАМ. СКИДКА 5 ЦЕНТОВ С КАЖДОГО ГАЛЛОНА БЕНЗИНА В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ДНЯ!!! ДЕЖУРНЫЙ МЕХАНИК! – обещала

другая реклама. Но где же Питер?

Труди продолжала испепелять Ронду взглядом, как будто ожидала, что сейчас из-под полы ее блейзера мелькнет белый пушистый хвостик.

Прибыв в мини-маркет, сержант-детектив Джо Кроули вызвал на место происшествия целую команду полицейских и приказал им прочесать окружающую местность. Чуть позже прибыл белый фургон со следователями. Они сделали снимки. Они исследовали парковку на предмет отпечатков шин и других улик. Они посыпали порошком пассажирское сиденье в машине Труди в поисках отпечатков пальцев, хотя Ронда однозначно дала понять, что преступник работал в перчатках. Разве не полагается кролику иметь мохнатые лапы?

Кроули оповестил полицию штата о золотистом «Фольксвагене», увезшем Эрни Флоруччи, и объявил тревогу. Он отправил высокого копа вместе с Труди к ней домой, поручив ему найти рисунки девочки, на которых изображен кролик, и недавнее фото Эрнестины. Коп помог Труди встать со старого стула и вежливо вручил ей поднятые с пола лотерейные билеты.

– Такие вещи нельзя забывать, – сказал он ей, подмигнув. – У меня такое предчувствие, что они счастливые.

Труди кисло улыбнулась в ответ и сунула билеты обратно в карман джинсовой куртки. Опираясь на копа, который поддерживал ее за талию, она направилась к машине.

Сержант Кроули производил впечатление профессионала, что вселило в Ронду надежду. Уж если кто и способен найти малышку и кролика, то это Кроули. На вид ему было за сорок (как и ее отцу). Волосы с проседью коротко стрижены ежиком. Темные брюки, белая рубашка, темно-зеленый галстук с золотым зажимом. По мнению Ронды, когда-то он был в прекрасной физической форме и, словно бывший атлет после травмы колена, позволил себе слегка набрать вес.

– Мисс Фарр, есть ли еще что-то, что вы могли бы сказать мне про этого кролика? Что угодно.

– Нет, – сказала Ронда и покачала головой. Добавить ей было нечего. По крайней мере, про этого кролика. Но когда-то давно был другой белый кролик, правда, со временем он тоже исчез.

11 апреля 1993 года

В лесу лежал снег. Она бежала в своих нарядных желтых пасхальных туфельках. Ноги то и дело скользили, а лодыжки онемели от холода. Рядом с ней была Лиззи. Они держались за руки. Падая, они всякий раз заливались смехом. На Лиззи тоже были желтые туфельки со светлыми атласными бантиками. Когда она увидела туфли Ронды, то уговорила мать взять ее с собой в торговый центр и купить точно такие же. С девчонками всегда так. Если есть у одной, подавай то же самое и другой.

Лиззи и Ронда говорили всем в школе, что они близняшки, но только живут как кузины, хотя на самом деле они вообще не были родственницами. И все же другие дети верили, что они близнецы. В эту ложь было нетрудно поверить, так сильно они были похожи: две крупные девочки с темными, прямыми, нечесаными волосами, грязью под ногтями и неправильным прикусом, потому что в раннем детстве обе слишком долго сосали большой палец. А еще это были тихие девочки с большими карими глазами. Глазами коал, глазами лемуров, глазами, которые как будто занимали большую часть их некрасивых лиц.

Они были лучшими подругами еще до того, как научились говорить. Играли в одной песочнице, матери выгуливали их на берегу озера в одинаковых розовых колясках. Когда же обе заговорили, то казалось, так утверждали их матери, что они изобрели свой собственный тайный язык – секретный код, который понимали только они сами, полный слов вроде далур, уб, та, ско. Родители опасались, что дочери будут и дальше общаться друг с дружкой на этом диком языке, что им не нужен будет окружающий мир с такими словами, как кот, плавать или спасибо.

Иногда Ронда думала об этом, когда глядела на Лиззи – как когда-то давно они не могли жить друг без друга.

Да, они родились с разницей всего в два дня. Это правда. Поэтому они и придумали ложь, будто они дочери одной матери. Мол, когда Лиззи появилась

на свет, Ронда осталась в материнской утробе, но их мать узнала об этом лишь спустя пару дней, когда пошла в уборную, а из нее выскочила Ронда.

– Прямо в унитаз! – радостно вопили они одинаковыми по высоте и тембру голосами. – Ронда бухнулась прямо в унитаз!

Не такое уж плохое начало, просто смешное.

Питер бежал впереди. Он был ближе всех к кролику. Поверх светлых локонов у него была надета красная отцовская шапка, шерстяная, охотничья, зато он был без куртки. Ему было тринадцать лет. Ронда знала: в тринадцать лет мальчишки не носят курток, если только на дворе нет настоящего мороза. Кроме того, Питер объявил, что охотится с ними за пасхальными яйцами в последний раз. Мол, пасхальные корзинки – это для малышни.

Ронда и Лиззи забежали за поворот тропы. Лиззи налетела на корень дерева, споткнулась и, падая, потянула за собой Ронду. Та упала на нее сверху. Обе зашлись смехом. Нарядные пасхальные платья были загублены навсегда.

– Фу! – поморщилась Ронда, поднимаясь. – Что ты сегодня ела?

– Сардины, – с улыбкой ответила Лиззи.

– На завтрак? Какой ужас.

– Отец говорит, что в них много кальция. Ну, это для костей, чтобы они были крепче. Сардины регулярно едят «Рокеттс»[2 - «Рокеттс» – нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 году в г. Сент-Луис.].

– Зато теперь у тебя изо рта воняет кошачьим кормом. – Ронда сошла с тропы, направляясь к Питеру и кролику. Лиззи – за ней по пятам.

Ронда подумала, какая дурацкая эта новая диета «Рокеттс», да и само их название тоже. Но самое дурацкое – это то, что Лиззи их никогда не видела, разве что по телевизору. Как можно по пятиминутной передаче на двадцатидюймовом экране судить, что делать с собственной жизнью? Но Лиззи

была настроена непоколебимо: она обязательно будет танцевать в «Рокеттс». Она вечно напоминала Ронде, что для этого нужно быть как минимум пять футов шесть дюймов ростом.

– Я слишком низкая, Ронда.

– Но тебе всего десять лет! В десять лет все примерно такого роста!

– Мои родители оба невысокие. Мне достались коротышечьи гены. Это проклятие.

Лиззи не только училась высоко вскидывать ноги, но и ела дурацкую еду, якобы способствующую росту. И еще никогда не пила газировку, от которой, по ее словам, гниют кости и останавливается рост.

– К тому же, – говорила она, – в газировке много сахара. Ты когда-нибудь видела в «Рокеттс» толстую танцовщицу?

Питер и кролик добежали до сцены. Кролик запрыгнул на водительское сиденье старого брошенного автомобиля и сделал вид, будто крутит руль.

– Давайте сюда! – крикнул Питер. Обе девочки бегом бросились к нему.

Там, в снежном гнезде на заднем сиденье машины, было три пластмассовых яйца, знак того, что охота начинается по-настоящему.

– Вот это да! – воскликнула Лиззи, хлопая в ладоши, как будто не ожидала увидеть там пасхальные яйца. Можно подумать, она искала что-то другое.

Ронда нагнулась и достала из машины свое яйцо. Внутри оранжевой скорлупы, как в печенье с предсказанием, лежала записка: «Беги на вершину холма. Посмотри рядом с камнем».

Она подняла глаза на кролика. Подбоченясь, тот стоял теперь на капоте, нетерпеливый и страшный, с огромными лапами и ушами, пластиковые глаза сплошь в царапинах – ведь костюм берут напрокат каждую Пасху, белый мех,

грязный и замусоленный, воняет химчисткой.

Оставив друзей, Ронда бросилась к вершине холма. Так продолжалось примерно час. Они зигзагами носились по лесу и, следуя подсказкам, находили яйца. Она несколько раз столкнулась с Лиззи и Питером. Сравнив свои тайники и записки, они тотчас разбегались каждый в свою сторону.

Изо рта Ронды вырывался пар. Она задыхалась от быстрого бега. Кролик петлял между деревьями, манил, дразнил. Указывал то в одном направлении, то в другом. Сгибался пополам и хватался за живот, заходясь в немом хохоте, когда она поскальзывалась и падала или же, поверив ему, бежала в поисках следующего яйца в ложном направлении. Вот такой пройдоха и обманщик этот кролик.

Когда, наконец, она устала от игры, да и порядком озябла, кролик появился вновь. Взяв ее руку в белую пушистую лапу, он повел Ронду на небольшую поляну.

Здесь, на большом плоском камне, поблескивая зеленой пластмассовой травой, стояла ее оранжевая корзинка, доверху набитая шоколадными зайцами, яйцами и желейным драже. Кролик кивнул и на минуту, прежде чем Ронда возьмет корзину, пригласил на праздничный танец – веселую кроличью польку. Одна его мохнатая лапа лежала у Ронды на талии, другая сжимала ее озябшие пальцы. Никаких дрыганий ногами в стиле «Рокеттс», которые так обожала Лиззи, скорее, неуклюжее топтание по скользкой раскисшей земле.

Они протоптали в снегу небольшой круг. Затем кролик отпустил Ронду и, помахав лапой, повернулся и поскакал вниз по холму.

Ронда схватила корзинку и бегом бросилась через лес к дому, с его знакомыми теплыми запахами кофе, корицы, булочек и жареного бекона. Стол был накрыт для пасхального ланча. Кстати, Питер уже вернулся. Содержимое его корзинки было высыпано на диван. Ронда тотчас заметила, что он получил комиксы и перочинный нож.

Ей же достались цветной пластилин и блеск для губ. Питер доставал из пакетика черные желейные драже и, подбросив их в воздух, ловил ртом. Он как-то раз видел, как один тип в фильме-вестерне делал то же самое с арахисовыми

орехами, и с тех пор оттачивал мастерство.

Сколько Ронда себя помнила, на пасхальном ланче всегда были Питер и Лиззи. Ее отец и Дэниэл Шейл, отец Питера и Лиззи, росли вместе и всегда были лучшими друзьями. Почти как братья, как однажды сказал отец. К тому же Шейлы жили рядом – на четверть мили дальше по Лейк-стрит или даже ближе, если срезать путь по лесу.

– А где Лиззи? – спросила Агги, мать Лиззи и Питера. Сегодня на ней было ярко-зеленое платье до колен, туфли на высоких каблуках, на губах – помада, на щеках – румяна. Короткие волосы выкрашены в малиновый цвет и торчат во все стороны, как будто в нее попала молния. Агги держала бокал с коктейлем, хотя было всего десять часов утра. Ее рука слегка подрагивала, как будто удержать в ней бокал было тяжело, и это отнимало все ее силы.

– Все еще в лесу с кроликом, – сказала Ронда.

– Они оба что-нибудь себе отморозят, – сказала Агги.

– Мам, там не так уж и холодно, – возразил Питер, открывая свой новый ножик и пробуя пальцем лезвие.

Агги пристально посмотрела на сына, допила остатки коктейля и, словно игральными костями, потрясла в стакане кубиками льда. Ронда ощущала запах ее духов – одновременно сладковатый и гнилостный, как у росянки, подумала она.

– Кофе готов, – сказал отец Ронды, Клем, подавая Агги чашку. Его темные волосы были коротко стрижены. Сегодня он был в белой рубашке с галстуком, отчего его лицо и руки, несмотря на апрель, казались еще более загорелыми. Просто у Клема была такая кожа, и он круглый год щеголял бронзовым загаром.

Агги, прищурившись, посмотрела на него, поставила стакан и взяла дымящуюся чашку. Отец Ронды пил свой кофе, не сводя глаз с Агги. Так обычно смотрят на какую-нибудь непредсказуемую собаку, которая при малейшем движении может наброситься на вас и укусить. Затем Клем поставил свою чашку и, достав из кармана рубашки пачку «Кэмела» без фильтра, закурил. Он ловко сделал это тремя оставшимися пальцами правой руки, как будто другие два отсутствовали

у него всю жизнь. Когда Ронда была маленькой, она любила сидеть у него на коленях и слушать рассказ о том, как он их потерял.

– Все случилось в мгновение ока, – объяснял Клем. Сидя у него на коленях, Ронда трогала своими крошечными пальчиками куцые пеньки, которые когда-то были его пальцами. – Мы с Дэниэлом были на лесопилке, выполняли большой заказ на балки для Дейва Ланкастера.

Ронда обычно кивала. Она знала, кто такой Дейв. Дейв был хозяином лесопилки. Однажды он сцепился в схватке с черным медведем и теперь иногда показывал любопытствующим свои шрамы, которые были у него на мягком месте.

– Я как раз распускал пилой ствол тсуги, – продолжал Клем. – Дэниэл стоял за мной.

– И с ним случился припадок, – говорила Ронда, так как знала эту историю наизусть.

– Все верно, моя милая. Он неожиданно упал на меня. Моя рука попала прямиком под пилу.

– Было очень больно? – спрашивала Ронда.

– Нет, – отвечал Клем. – Все произошло слишком быстро и неожиданно, а после этого у меня был шок.

– Шок, – повторяла юная Ронда, думая про электричество. Она знала, что нельзя играть рядом с розетками или гулять во время грозы, потому что можно получить шок.

– Это был несчастный случай, – пояснил отец.

– Но что стало с твоими пальцами? – спрашивала Ронда, ерзая на коленях у отца.

– Понятия не имею, – отвечал Клем.

Ронда представляла себе, как все еще теплые пальцы лежат на усыпанном опилками полу лесопилки.

– Наверное, они скучали по твоей руке, – вздыхала она. И при этих ее словах на губах отца играла печальная улыбка. Как-то раз он даже признался дочке, что иногда по утрам просыпается, чувствуя, как шевелит этими своими отсутствующими пальцами.

Мать Ронды, жюстин, вошла в столовую из кухни, шаркая по полу разношенными розовыми домашними тапками. На ней был ее обычный наряд – спортивный костюм, с той единственной разницей, что, по случаю Пасхи, этот был бледно-сиреневый. Она внесла поднос с горой посыпанных корицей булочек и поставила его в центр стола.

– Жюстин, – заплетающимся языком сказала Агги, – ты превзошла себя. Все просто чудесно!

Жюстин кивнула и вернулась в кухню приготовить вафли, а заодно спрятаться в уголке с чашкой черного кофе и любовным романом. Ронда сначала подумала, не пойти ли ей в кухню, чтобы помочь матери или, по крайней мере, составить ей компанию, однако застряла рядом со стеклянной дверью, что вела из столовой во внутренний дворик, выглядывая среди подступавших прямо к дому деревьев Лиззи и кролика.

– Вдруг они заблудились, – задумчиво сказала она, обращаясь непонятно к кому. Обернувшись, она увидела, как Агги наклонилась и, вытащив из губ отца сигарету, сунула ее себе в рот и сделала глубокую, убийственную для легких, затяжку.

Ронда вновь отвернулась к окну. Подышав на холодные стекла, чтобы на них осталась пленочка влаги, Ронда принялась водить по ней пальцем. Она нарисовала пасхальные яйца и, не слишком красиво, кролика с неровными ушами.

– Вон они, – сказал Питер. Он подошел к ней сзади и положил подбородок ей на плечо. Его дыхание, пахнущее черными желейными конфетами, обдавало ей щеку, отчего становилось тепло.

Из-за деревьев появился кролик. Лиззи восседала у него на плечах, словно этакая пасхальная королева в желтом платье и туфельках. Она смеялась, размахивая розовой корзинкой, полной конфет. Кролик трусил по лужайке, большими белыми лапами прижимая к своей груди ее ноги.

Войдя в дом, кролик поставил Лиззи на пол, затем подошел к Агги, что-то шепнул ей на ухо и схватил за попу. Она спиной прильнула к нему и, смеясь, потерлась о него попой. Затем повернулась к нему лицом и осторожно потянула его кривые белые уши.

– Снимай эту дурацкую штуковину, Дэниэл, – сказала Агги. Кролик послушно снял голову и взял ее под мышку.

Его светлые лохматые волосы торчали во все стороны. У него были густые усы, как у моржа, эти усы он носил, сколько Ронда его знала. В таких обычно застревает еда. И еще от них было щекотно, если он наклонялся, чтобы поцеловать тебя в щеку или подуть на пупок.

Незаметно подкравшись, Питер выхватил у отца кроличью голову и надел ее на себя. Издав возмущенный вой, Дэниэл принялся гоняться за ним вокруг обеденного стола. Лиззи визжала от восторга. Взяв Ронду за руку, она потащила ее полюбоваться погоней. Жюстин вышла из кухни с любовным романом в розовой обложке. Видно, ей тоже было любопытно взглянуть, что здесь происходит.

Агги засунула руку в карман Клема, выхватила пачку «Кэмела» без фильтра, вытряхнула из нее одну сигарету и прикурила спичкой из коробка, который Клем обычно заворачивал в целлофан. Сложив на груди руки, Агги сквозь облако табачного дыма принялась наблюдать за погоней. Впрочем, взгляд ее был устремлен вовсе не на мужа и сына, а на стеклянную дверь за ними, которая оставалась открытой. Агги выглядывала в задний дворик, как будто ожидала, что оттуда появится какой-то незваный гость. Или же, решила Ронда, подумывала о том, не сбежать ли через нее.

Питер все так же носился вокруг стола; огромная кроличья голова при этом подскакивала и дергалась, отчего он казался этакой куклой в человеческий рост с кивающей головой. Наконец, поймав сына, Дэниэл перевернул его вверх ногами и тряхнул. Питер запищал:

– Пап! Прекрати. Сдаюсь!

Огромная кроличья голова соскользнула с него и, мягко приземлившись на толстый бежевый ковер, уставилась сетчатыми глазами на стеклянную дверь, как будто тоже задумала побег.

* * *

Кролик – это кролик. У него чуткие уши. Он подергивает носом. Он чешет белой пушистой лапой там, где у него что-то чешется. Он наклоняет голову и прислушивается. Он не говорит. Он никогда не говорит, только делает знаки, кивает или качает головой. Просто удивительно, что он может поведать без всяких слов.

Кролик не может поверить, что это просто. Что девочка может доверять ему и любить его. Они пытаются играть в сумасшедшие восьмерки, потому что это ее любимая игра, вот только он не может держать в лапах карты. Она смеется. Есть в ее смехе что-то особенное. Что-то такое, что заставляет кролика почувствовать себя живым, чего с ним не было уже очень и очень давно.

Это печальная девочка. У нее недавно умер папа. Ее мать охвачена собственным горем и не способна утешить ребенка. Но кролик знает, как заставить ее улыбнуться. Кролик прискакал к ней, как герой из сказки, чтобы навсегда прогнать печаль.

Маленькая девочка назвала его Питером. Он не говорит ей, что это странно. Когда кролик – это кролик, у него нет другой, человеческой жизни. Он отрекается от собственной личности и становится чем-то… чистым. Почти совершенным.

И для девочки у кролика тоже имеется имя. Тайное имя. Птичка, мысленно называет он ее.

Его дорогая птичка снова вернулась.

5 июня 2006 года

Вернувшись в машину (все еще припаркованную перед бензозаправкой), Ронда прижала к уху мобильник. Она была взвинчена и вместе с тем осмотрительна. Как будто ей хотелось что-то сделать, но она не знала, что именно. Например, ей хотелось завести мотор и начать колесить по всему штату в поисках маленькой девочки и кролика. Увы, Ронда знала: толку от этого будет немного. Все копы Вермонта будут начеку. Любой гражданин, который слушает радио или смотрит телевизор. И все же сидеть без дела она не могла.

Питер ответил ей на третьем гудке.

– Как прошло собеседование? – спросил он.

– Случилась одна вещь, Питер, – ответила она и рассказала ему о похищении. Мол, она до сих пор сидит в машине на бензозаправке и не знает, что ей теперь делать. Сказав это, она услышала, как Питер прикрыл трубку и что-то пробормотал.

– Ток дома? – с упавшим сердцем спросила Ронда.

– Да. Я только что все ей сообщил. Мы знаем Эрни. Она – подруга нашей Сьюзи.

Ток подняла трубку параллельного аппарата – возможно, в кухне, подумала Ронда. Питера она представила в гостиной. Вот он сидит на коричневом диване, положив ноги на кофейный столик. Интересно, что у Питера на ногах, кроссовки или рабочие ботинки?

– Господи, Ронни, – сказала Ток. – Белый кролик похитил Эрни?

– Понимаю, это кажется полным безумием, но…

– Мир полон безумия, – перебила ее Ток. – Боже, совсем как ту маленькую девочку в Вирджинии! Сколько же ненормальных разгуливают среди нас. Знаешь что, приезжай к нам. Мы зажарим стейки, а ты тем временем понежишься в горячей ванне.

– Да, приезжай к нам, Ронни, – сказал Питер. – Пообедаешь с нами.

Ронда услышала какое-то движение и скрип диванных пружин. Судя по всему, Питер усаживался поудобнее, может, даже выпрямил спину, готовясь дотянуться до телефонного аппарата и положить трубку, как только Ронда согласится. Когда Ток была рядом, Питер всегда старался закруглиться побыстрее.

– Хорошо, я приеду. Буду примерно через полчаса. – Не то чтобы Ронда горела желанием принять их предложение, но ей было страшно провести вечер одной, ругая себя за то, что позволила кролику у себя на глазах похитить маленькую девочку.

Нажав кнопку отбоя, Ронда положила телефон в сумочку, лежавшую рядом с ней на сиденье, и посмотрела сквозь ветровое стекло на машину Труди. Машина стояла с открытыми дверцами в окружении полицейских.

Ах да, жуки, вспомнила Ронда. По телевизору говорили, что малышка Элла Старки ела жуков. Интересно, чем кролик будет кормить Эрни? Что ей придется делать, чтобы выжить?

По пути Ронда заехала домой – переодеться и захватить купальник и полотенце. Она жила на верхнем этаже старого викторианского особняка неподалеку от центра города. Дом был поделен на три квартиры. На первом этаже жили домовладелец с супругой, второй занимала их незамужняя дочь и ее двое детей. Ронда обитала в мансарде. Коньки крыши придавали стенам ее квартирки жуткий наклон. Чтобы подняться к себе, Ронде нужно было преодолеть винтовую лестницу за домом.

Стоя наверху лестницы, Ронда отомкнула дверь и направилась прямиком в ванную. Здесь она переоделась, радуясь тому, что, наконец, может сбросить с себя неудобный официальный костюм. Из слухового окна рядом с ее кроватью открывался великолепный вид на южную часть озера Никел-Лейк. Отдернув штору, Ронда постояла несколько секунд, глядя на отдыхающих на городском пляже. Интересно, они уже знают о похищении? Ей почему-то хотелось распахнуть окно и крикнуть наподобие глашатая, предупредить матерей, чтобы оберегали своих детей от кроликов.

Наконец она отвернулась от беззаботных пловцов и загорающих с их яркими полотенцами, зонтиками и портативными холодильниками и проверила сообщения на автоответчике. Было только одно, от участника исследовательской группы озера Шамплейн. Он спрашивал, не перепутали ли они время собеседования, и если она все еще заинтересована в этой работе, то они готовы перенести собеседование на другое время.

Выходя из дома, Ронда остановилась в прихожей и посмотрела на себя в зеркало. За ее спиной были два рисунка, составлявшие предмет ее гордости, – диссекции кальмара и кролика. Ронда обожала заниматься биологией и в особенности препарировать. Ей нравилось делать поясняющие рисунки – карандашные наброски органов и подписи к ним, чтобы затем раскрасить их цветными карандашами: сердце – красным, селезенку – фиолетовым, печень – зеленым. Она препарировала глаз овцы, эмбрион свиньи, голубя, кошку, кальмара, бесчисленных лягушек и кролика. Ронде так нравились собственные рисунки, что она поместила их в рамки и повесила на стенах своей квартирки – там, где другая женщина поместила бы семейные фото, карты или постеры с младенцами в костюмах подсолнухов.

Глаз поймал отраженного в зеркале кролика – кожа оттянута, мышцы и грудина разрезаны, чтобы обнажить внутренние органы. Ронда заморгала, схватила со стола под зеркалом ключи и направилась к двери.

Ток всегда раздевалась и ходила голышом, прежде чем залезть в горячую ванну. Ронда этого терпеть не могла. Ей было неприятно, что Ток – такая подтянутая и мускулистая и совершенно не стыдится своего тела. Она без задней мысли сбрасывала с себя одежду, как другой снимает солнечные очки. Питер был в синих плавках. Ронда надела черный купальник, но даже в нем она чувствовала себя голой и потому натянула поверх него футболку.

Горячая ванна была домашнего производства, как и все в их небольшом автономном каркасном доме, стоявшем посреди двенадцати акров земли. Границей участка служил ручей в самом конце грунтовой дороги длиной в три мили. Город не занимался ее ремонтом, так что Питеру и Ток не оставалось ничего другого, как каждую весну самим выравнивать ее. Ронда, поскольку у нее не было внедорожника, знала, что зимой или во время осенней или весенней распутицы к ним лучше не соваться.

Ток и Питер совместными усилиями построили этот дом три года назад. Здесь все было продумано до мельчайших деталей, отчего сам дом был скорее произведением искусства, чем обычным жильем. Отапливались они дровами, электричество получали от солнечных батарей или, в случае острой необходимости, бензинового генератора.

По выходным Ронда и ее отец приезжали, чтобы помочь со строительством. Вклад Ронды (помимо игр с Сьюзи и присмотра, чтобы с той ничего не случилось) состоял в замере и маркировке досок. Ронда как огня боялась любых рабочих инструментов, тех образов, что они вызывали в ее голове. Например, как она наклоняется, чтобы потрогать вращающееся лезвие настольной пилы. Или как, сорвавшись, циркулярная пила разрезает ей бедро. Как же легко можно истечь кровью до смерти! Как легко получить увечье на всю жизнь, как это когда-то случилось с ее отцом.

– Для этого достаточно одной секунды, – бывало, говорил Клем, рассказывая свою историю.

Ронда знала историю его несчастного случая наизусть. За эти годы она слышала не только его версию, но и версию Агги, Дэниэла и Дейва Ланкастера. Дейв тогда был хозяином той лесопилки, а также приходился Агги дядей. Клем и Дэниэл, еще учась в школе, подрабатывали у него. Они умели буквально все – начиная с резки бревен до поставки заказчикам готовых столярных изделий. Окончив школу, оба пришли работать на лесопилку на полный рабочий день. В то самое лето Агги Ланкастер, тоже окончившая школу, приехала из Мэриленда, чтобы поработать у дяди. Именно в конце того лета Клем лишился двух пальцев.

Когда Дейв – обычно после нескольких банок пива на семейном барбекю – рассказывал эту историю, он неизменно клялся, что никакой это не несчастный случай.

– Дэниэл напал на Клема, – утверждал он. – Он нарочно толкнул его.

Дэниэл же утверждал, что не помнит, как это произошло: в одну секунду он был рядом с Клемом, помогая ему направить тсугу в пилу, а в следующую очнулся на бетонном полу, весь забрызганный кровью своего друга.

Всякий раз, услышав версию Дейва, Клем качал головой.

– Это был припадок, – говорил он. – Дэниэл потерял сознание и, падая, задел меня.

С остальной частью истории все были согласны. Разбрызгивая кровь, Клем отдернул руку, но первое, что он сделал, – это опустился на колени, чтобы проверить, как там Дэниэл. Дейв тотчас выключил пилу и крикнул Агги, которая работала в офисе. Когда та прибежала, то увидела, что Дэниэл с пеной на губах бьется в припадке, а над ним нагнулся Клем. Еще она увидела, что рубашка Дэниэла вся в крови, однако не поняла, откуда взялась эта кровь.

– Следи за его головой! – крикнул Клем. Он был свидетелем припадков друга добрую сотню раз и потому знал, что надо делать все для того, чтобы тот ни обо что не поранился. Голова же Дэниэла находилась слишком близко от металлических опор верстака. Агги наклонилась и нежно положила руки на дергающуюся голову Дэниэла, следя за тем, чтобы он ни обо что не ударился. До этого Агги ни разу не видала припадков и такого количества крови. Только когда она положила руки на потные волосы Дэниэла, ее взгляд упал на руку Клема.

– Господи! Твоя рука!

Клем посмотрел вниз, на свою руку, на брызжущую фонтаном кровь и нахмурил брови, как будто плохо понимая, что видит. Затем, по-прежнему в замешательстве, тихо отошел назад. В лице его не было ни кровинки. Замотав ему руку фланелевой рубашкой, Дейв помог Клему сесть в грузовик и на всей скорости погнал в город, в больницу.

Ронда отвела глаза от наготы Ток (никаких растяжек, это надо же!) и поглубже вздохнула, пытаясь сосредоточиться на окружавшей ее воде, которая была горяча, как кипяток. Еще учась в школе, Питер провел одно лето, работая на винограднике в штате Нью-Йорк. Это оттуда он привез большущую деревянную бочку, в которой они втроем сейчас нежились. Воду грела электрическая спираль внутри печки. Все трое упирались друг в друга коленями, сидя на узком уступчике, который Питер смастерил внутри огромной бочки. Ток только что уложила Сьюзи в постель.

Хотя Ронда и недолюбливала Ток, и находила в ней кучу недостатков, она была вынуждена признать, что Ток – идеальная мать. Веселая, терпеливая, строгая, изобретательная, она всегда знала, что хорошо, а что плохо для ее дочери.

Ток переехала к Питеру сразу, как только окончила школу, и вскоре объявила, что беременна. Все сочли это великой глупостью – мол, они слишком молоды, чтобы заводить семью. А еще с ее-то головой профукать колледж! Но Ток колледж был не нужен. Она хотела Питера и ребенка и мечтала построить в лесу собственный дом. И, похоже, она ни разу не пожалела о своем выборе.

Ток протянула руку и схватила со стола рядом с бочкой пиво. По возрасту она была между Рондой и Питером – на год старше Ронды и на два младше Питера. И в лучшей форме, чем они оба. Волосы Ток стригла коротко, отчего те напоминали плотно сидящую на голове каштановую шапочку. По мнению Ронды, Ток, с ее правильными чертами лица, это шло.

Питер убирал длинные, до плеч, светлые кудри в конский хвост. В свои двадцать шесть он производил впечатление человека, быстро скатывающегося в средний возраст. На лбу появились залысины, на талии – заметные валики жира. Питер с каждым днем становился все больше и больше похож на Дэниэла. Не хватало разве что усов.

Ни Питер, ни Ток не любили, когда в разговорах всплывало имя Дэниэла, и, как правило, Ронда воздерживалась это делать. Но в тот вечер, убаюканная горячей водой, стейком и пивом, чувствуя, как ее коленки соприкасаются с коленями Питера, Ронда не удержалась.

– Увидев сегодня этого кролика, я тотчас вспомнила ту Пасху – ну, ты помнишь? Когда Дэниэл оделся в костюм кролика и мы все бегали за ним по лесу в поисках яиц.

Ток недовольно прищурилась. Питер уставился в горлышко пивной бутылки.

– Пойду принесу травки, – объявила Ток, выскакивая из бочки. От ее стройных боков поднимался пар. Схватив халат, она направилась сквозь раздвижные двери в дом.

Ронда глубоко вздохнула, довольная тем, что теперь она наедине с Питером, хотя и слегка запаниковала. Она откинулась назад и, запрокинув голову на край винной бочки, посмотрела на звезды.

– Неужели ты не помнишь? Ты еще украл голову от костюма, и он гонялся за тобой по всей столовой.

– Нет, – хмуро буркнул Питер и потянулся к лежавшей на столе пачке сигарет.

– Мы бегали за кроликом по лесу и искали яйца с подсказками. – Ронда посмотрела на Питера в надежде увидеть на его лице хотя бы слабый признак того, что он помнит.

Но не увидела. Тогда она прислонилась к стенке бочки и закрыла глаза, вызывая из глубин памяти новые образы той Пасхи.

– Лиззи нашла свою корзину последней, – сказала Ронда. – И вернулась домой, сидя на плечах у кролика, размахивая корзиной и играя с его ушами. – Ронда открыла глаза и посмотрела на Питера. – Как можно такое не помнить?

Но он лишь покачал головой и сказал:

– Это было слишком давно…

Они с минуту молчали. Питер смотрел в пустое горлышко бутылки, вертя ее, словно калейдоскоп, и курил сигарету. Ронда разглядывала его лицо, пытаясь представить, как он выглядел в ту Пасху много лет назад, пытаясь отыскать следы того мальчика, вместе с которым она тогда гонялась по лесу за шустрым кроликом.

Она подумала про сестру Питера, Лиззи, которую, как и Дэниэла, никто больше не вспоминал. Ронде вспомнилось, как Лиззи и Дэниэл вышли из леса во двор – самыми последними в ту Пасху. Оглядываясь назад, Ронда подумала, что это был знак или даже знамение того, что однажды они оба исчезнут, как будто отправились в лес на охоту за яйцами и никогда больше не вернулись.

– Извини, что я заговорила об этом, – сказала Ронда. – Просто сегодня мне все это вспомнилось. Не каждый день видишь огромного белого кролика.

– Или похищение, – добавил Питер, наклоняясь, чтобы потушить окурок. Похоже, он был рад сменить тему, но все еще не решался посмотреть ей в глаза.

Ронда ссутулилась и глубже скользнула в воду. Теперь над исходящей паром поверхностью был только ее подбородок.

– Мне ужасно стыдно, что я сижу здесь и пью пиво, а в это время где-то там плачет маленькая девочка, а все потому, что я позволила этому кролику похитить ее.

– А что ты могла сделать, Ронда? – спросил Питер.

– Не знаю. Могла бы нажать на клаксон. Выйти из машины и закричать. Позвонить в полицию. Иначе, согласись, зачем мне мобильник? Запомнить номер машины. Да что угодно! Я же просто сидела на заднице. У меня было такое чувство… не знаю, я как будто была пьяная или под наркотиками. Или загипнотизирована. Как будто этот кролик наложил на меня чары. И еще мне было страшно, Питер. Лишь когда они уехали, я поняла, что все это время просидела, боясь сделать даже вдох. Сердце стучало, как бешеное.

– Конечно, тебе было страшно, – сказал Питер.

– А теперь я сижу здесь и мокну в этой чертовой бочке, хотя, по идее, должна делать что-то совершенно другое.

– И что именно ты хочешь сделать? – спросил он.

– Найти Эрни.

Вернулась Ток с косячком во рту.

– В одиннадцать часов нужно посмотреть новости, – сказала она. – Наверняка у них уже есть какая-то информация. Может, ее уже нашли. Вдруг это был розыгрыш?

– Интересно, кому понадобился такой розыгрыш? – спросила Ронда.

– Не знаю, – ответила Ток. – Вдруг кто-то решил последовать примеру той девочки, что сидела в яме в Вирджинии, помните, о ней передавали в новостях несколько недель. Или же это какой-нибудь безбашенный подросток. Как только он понял, в какое дерьмо вляпался, наверняка высадил Эрни где-нибудь на дороге.

Девочку из Вирджинии, Эллу Старки, нашли фермер и его овчарка-колли. С тех пор фермер и его собака появлялись в каждом выпуске утренних новостей. На прошлой неделе они вместе с Эллой позировали на обложке журнала «Пипл». Маленькая девочка улыбалась – розовощекая, с аккуратно заплетенными косичками.

Ронда машинально задалась вопросом, каких жуков девочка ела, сидя в яме? Совсем крошечных или крупных вроде майских? Наверное, тех, что побольше.

– Кстати, а где ты сегодня был? – спросила Ронда у Питера. – Разве ты не работаешь по понедельникам?

– Взял отгул, чтобы погулять по лесу, – ответил Питер.

– Втроем? – спросила Ронда.

Ток передала косячок Питеру и сказала:

– Нет, он улизнул без нас. Мы с Сьюзи сделали сэндвичи и поехали за ним следом, надеясь найти его на Пушечном перевале, но его там не оказалось. Поэтому мы устроили свой собственный девичий пикник.

– Я выбрал другой маршрут, – пояснил Питер. – Отправился через пруд Сойера.

– Представляю, как тебя там искусали мошки, – сказала Ронда.

– Нет, не искусали, – ответил Питер, глядя на свои руки. Ронда не заметила на них ни одного укуса.

– Значит, дочка Труди – подруга вашей Сьюзи? – сменила тему Ронда.

– Да, – откликнулась Ток. – Они с ней в одном классе. В марте Сьюзи ходила к Эрни на день рождения. Они с матерью живут в небольшом трейлере на Меклсон-Хилл-роуд. Отстойное место. Но Эрни – замечательный ребенок. Она несколько раз была у нас в гостях. Верно я говорю?

Питер кивнул.

– На ее месте вполне могла быть Сьюзи.

Ток вздрогнула и отвернулась.

– Эту девочку уже давно могли разрезать на мелкие кусочки, а я даже пальцем не пошевелила, чтобы этого не допустить, – вздохнула Ронда. – По крайней мере, можно было запомнить номер машины.

– Не надо себя корить, Ронда, – сказал Питер и, взяв под водой ее руку, сочувственно пожал. – Не бери в голову.

«Как не брала в голову, когда Эрни похитили? – подумала Ронда. Она посмотрела в водянистые, голубые глаза Питера и пожала в ответ его руку. – Как ты не брал в голову, когда пропали Дэниэл и Лиззи?»

12 мая 1993 года

Лиззи и Ронда вприпрыжку бежали по лесу, торопясь к сцене. Всего месяц назад они по этой тропе преследовали кролика. Но теперь снега не было, и клены, росшие вперемешку с елями, канадской тсугой и белыми соснами, начали распускаться. Накануне прошел дождь, но сегодня ярко светило солнце, и лес пах зеленью и прелью.

Лиззи пела песню «Мое страдающее сердце»[3 - «Мое страдающее сердце» (1992) – лирическая песня в стиле кантри, написанная Доном Вон Трессом и исполненная певцом Билли Рэем Сайрусом.], нарочно перевирая слова, и Ронда

покатывалась со смеху:

– И если прикажешь моему сердцу, моему ранимому, страдающему сердцу, я блевану на этого чувака.

Лиззи плавно повернулась и, положив руки на бедра, высоко дрыгнула правой ногой. Это скорее напоминало прием карате, нежели танец «Рокеттс».

Они только что вышли из дома Лиззи, где та сбросила с себя школьную форму. Теперь на ней было гимнастическое трико, легинсы и теплые гетры бирюзового цвета. А еще Лиззи показала Ронде металлическую перекладину, которую ее отец прикрепил над дверью чулана.

– Это еще для чего? – удивилась Ронда.

Лиззи подпрыгнула, схватилась за перекладину и повисла.

– Для растяжки, – пояснила она. – Если каждый день висеть так по пятнадцать минут, можно вырасти выше. Результат гарантирован.

Ронда подумала про себя, что если что-то и растянется, так это руки Лиззи, отчего она станет скорее похожа на обезьяну, чем на танцовщицу из «Рокеттс». Впрочем, Ронде хватило ума промолчать.

– Ты только взгляни, – сказала Лиззи, закинула за перекладину сначала одну ногу, затем другую и, отпустив руки, повисла в дверном проеме головой вниз. Болтаясь на перекладине, она закрыла глаза, представляя, как становится все выше и выше, а лицо ее тем временем краснело все сильнее и сильнее.

– Ты это, полегче, – раздался голос за спиной Ронды. Обернувшись, она увидела в дверном проеме Дэниэла. – Не хватало еще, чтобы ты себе что-нибудь порвала.

– Так делают «Рокеттс», – ответила Лиззи, подтягиваясь наверх, затем спрыгнула и поправила гетры. – Пойдем, Ронни. Питер уже ждет.

Когда они пришли, Питер уже сидел в центре сцены, по-турецки скрестив ноги и пыхтя своей самодельной трубочкой. В воздухе витал запах табака с легкой отдушкой вишни, табак Питер слямзил из магазина. Полуденное солнце светило поверх верхушек сосен, подсвечивая поляну и сцену на ней. Питер тоже как будто весь светился. На нем были выцветшие коричневые вельветовые брюки и зеленая замшевая рубашка. А на голове – венок, сплетенный из виноградной лозы и разнообразных листьев. По мнению Ронды, Питер был похож на сказочного принца – такого можно встретить, заблудившись в лесу. А потом моргнешь – и его уже нет. Ронда моргнула, чтобы проверить. Но Питер по-прежнему сидел посреди сцены, все такой же сияющий.

Затаив в предвкушении дыхание, Лиззи и Ронда взбежали на сцену. Вдруг сегодня Питер расскажет им про свою пьесу. Он вот уже несколько недель ни с кем не разговаривал, запершись у себя в комнате. Вторую половину дня он проводил в библиотеке, а в теплые дни выходил после школы на сцену и что-то писал в блокноте. Никто не имел права мешать ему, пока он сочинял пьесу. Только когда он закончит писать диалоги и ремарки к ним, он всем все расскажет.

Посмотрев на девочек с лукавой улыбкой, Питер поднялся на ноги и протянул Ронде руку.

– Пойдем со мной, Венди, – сказал он.

И Ронда, не раздумывая, взяла его руку. У нее даже не возникло вопроса, кто такая Венди и куда он хотел с ней пойти. Вместе, рука об руку, они спрыгнули со сцены и, словно безумные птицы, обежали вокруг поляны, дурашливо гикая и заливаясь смехом.

– Ведь это здорово – уметь летать!

Лиззи сидела на краю сцены, хлопая в ладоши и смеясь вместе с ними, пока, наконец, уставшие Питер и Ронда не вернулись на сцену и не рухнули у ее ног. Оба лежали на спине, и голова Ронды покоилась на груди Питера, слегка подпрыгивая с каждым его вдохом. Лиззи положила голову на живот Ронды, а ноги перекинула через Питера. Вместе их тела образовали неправильный треугольник.

– Ну как, угадали? – спросил Питер.

В голове у Ронды вертелись самые разные ответы. Пьеса про птиц? Про греческих богов? Или, может, про фей?

– Питер Пэн! – наконец произнес Питер. – Мы будем ставить «Питера Пэна»! Это будет наш лучший спектакль. Я буду играть Питера. Ты, Ронни, будешь играть Венди. А ты, Лиззи, – знаменитого капитана Крюка!

До этого они уже ставили спектакли по пьесам, которые писал Питер, а иногда придумывали их прямо на ходу. Короткие предсказуемые пьески про рыцарей, разящих мечом драконов; про ковбоев, убивающих индейцев; про полицейских, стреляющих в преступников. В прошлом году Питер даже позволил уговорить себя сыграть в пьесе про цыганский табор. Питер играл цыганского барона, Ронда – его жену, а Лиззи – ее коварную сестру, которая тоже была в него влюблена. Лиззи отравила Ронду, и та должна была умереть на сцене драматичной, трехминутной смертью. Цыганский барон Питер приказал повесить Лиззи, после чего сам пронзил себе сердце кинжалом, проклиная коварство женщин и бродячую цыганскую жизнь.

Эта драма следовала формуле большинства их пьес. Все важные персонажи в конце умирали, даже главный герой. Однако на этот раз все должны были остаться в живых.

– Все, кроме капитана Крюка, – пояснил Питер. – Его съест крокодил.

Питер, как автор сценария, режиссер и звезда сцены (не говоря уже о том, что был самым старшим в их компании), диктовал свои правила. И по мере того, как все трое становились старше, пьесы тоже все больше усложнялись, а вместе с ними и правила. Однако одно правило оставалось неизменным – их спектакли нельзя обсуждать с посторонними людьми. До премьеры, вход на которую был строго по билетам, никто не должен был даже слышать про новый спектакль или видеть хотя бы его часть. Репетиции – это что-то вроде тренировок ниндзя, говорил Питер. Нужно очистить голову от посторонних мыслей и втайне от всех развивать свое искусство, стремясь при этом к совершенству.

Некоторые дети мечтали о домике на дереве или о тайном форте. Эти трое мечтали о собственной сцене, и их желание исполнилось. Три года назад на лесной поляне между домом Ронды и домом Питера и Лиззи они построили сцену – рядом с ржавым остовом старого «Шевроле Импалы», который стоял там, брошенный Клемом, с того самого года, когда родилась Ронда. Клем и Дэниэл помогли соорудить сцену – пилили доски, поднимали тяжести. Детям было позволено самим забивать гвозди.

Будучи окончательно построенной, сцена напоминала странный спасательный плот, застрявший в центре лесной поляны, в окружении высоких сосен. Сцену сколотили из досок от старой силосной башни, которую незадолго до этого снесли в нескольких милях отсюда. Задняя часть сцены была закрыта стеной, на которую вешали простыни с нарисованными на них декорациями (за них, как местная художница, отвечала Ронда). Занавеса не было. Декорации менялись прямо на глазах у зрителей. Слева от сцены притулилась старая «Импала» Клема с опущенным верхом. Ее часто использовали как бутафорию. Она была полицейской машиной, цыганской кибиткой. Теперь, пояснил Питер, она станет пиратским кораблем, с мачтой, парусом и черным флагом с изображением черепа и скрещенных костей.

Ронда открыла блокнот, который захватила с собой, и принялась делать наброски корабля. Питер тем временем подкидывал ей идеи. Лучше всего в этой жизни Ронда умела рисовать. Если честно, рисовала она куда лучше, чем играла на сцене, и превосходила в искусстве рисования всех в своем классе, если не во всей школе. Питер писал и ставил пьесы, Лиззи отвечала за костюмы и хореографию, но декорации были делом Ронды.

Пока они были на стадии планирования спектакля. Последующие недели они проведут, рисуя декорации, мастеря костюмы, придумывая бутафорию. Когда занятия в школе закончатся и в летние домики приедут отдыхающие с детьми, Питер проведет прослушивания, и они будут каждый день репетировать.

– Вот здесь будет лежать в засаде крокодил, – объявил Питер, поднимая крышку люка в задней части сцены. Люк вел в яму, которую они выкопали под сценой. Шириной в четыре фута, столько же в длину и в глубину. Люк был нужен для того, чтобы в нем исчезали или из него появлялись злые волшебники, или же чтобы мертвые могли восставать из могил.

– Но кто будет крокодилом? – спросила Лиззи, нервничая по поводу того, кто же станет ее убивать.

Питер пожал плечами.

– Пока не знаю. Но нутром чувствую, что кто-то будет!

6 июня 2006 года

Яма, в которой сидела Элла Старки, была глубиной в девять футов, а ее пол, если верить статье в журнале «Пипл», был размером с деревянный поддон. Похититель, которого Элла назвала Фокусником, сверху прикрывал яму досками и листьями. Он приходил к пленнице каждый день. Статья умалчивала, что он делал во время этих визитов. Говорилось лишь, что для того, чтобы спуститься в яму, он пользовался лестницей, сделанной из связанных между собой веток. Каждый день он приносил девочке ириску в трескучей целлофановой обертке, золотистую в солнечном свете. Обертку девочка сохраняла и сосала даже тогда, когда самой ириски уже не было.

Мини-маркет Пэт превратился в штаб по поиску Эрни. Пэт и Джим разобрали полки заднего ряда и вместе со стоявшим на них товаром – печеньем, консервами и прочим – временно отправили в кладовую. На их месте теперь стоял длинный ряд складных столов, на которых высились горы листовок, конвертов и блокнотов. Из-за морозильного ларя змеились шнуры удлинителей и телефонных проводов, питая ноутбук и два радиотелефона. Тех, кто слишком долго стоял рядом с рабочей зоной, Пэт обычно привлекала к полезной деятельности: «У вас же найдется пять минут, чтобы положить письма в конверты?» или «Вы не посидите на телефоне минут десять, пока Элисон немного отдохнет?»

Помочь Пэт приехал ее племянник Уоррен, окончивший в Филадельфии первый курс колледжа. Он всю ночь просидел за баранкой, торопясь к ней. Его работа заключалась в том, чтобы выслушивать звонивших по телефону, заносить полученную от них информацию в блокнот, а потом вводить ее в базу данных

компьютера. Карен Буавер, работавшая в корпорации IBM, создала специальный сайт «Найти Эрни». На нем размещалась самая последняя информация, а также имелась специальная форма для тех, кто что-то знал или видел и хотел об этом сообщить. Питер тоже был там и работал вместе со всеми, пока Кроули не отвел его в кабинет Пэт для допроса.

Ронда сидела рядом с Уорреном и его ноутбуком и отвечала на звонки. На Уоррене была бейсболка с логотипом Пенсильванского университета и конопляное ожерелье с коричневыми и черными бусинами. Глаза его были красны от бессонной, проведенной за рулем ночи. А еще он питал странную, почти детскую слабость к горячему шоколаду с мини-пастилками. (С того момента, как Ронда присоединилась к нему, Уоррен пил уже пятую чашку.)

Пока что большинство звонивших не сообщили ничего нового или же вообще оказывались чокнутыми: например, одна женщина сообщила, что видела Эрни во сне живой, сидящей в колодце. Мужчина из Челси утверждал, будто кролики живут среди нас, маскируясь под людей. Потеряв терпение, Ронда побарабанила пальцами по столу, встала и принялась ходить взад-вперед. Наверняка она может делать что-нибудь более полезное.

Она моментально приехала к Пэт, как только Питер позвонил утром и сказал про сбор добровольцев. Почему-то Ронда была уверена, что сегодня они обязательно найдут Эрни.

Пэт, похоже, была рада ее видеть, потому что заключила Ронду в крепкие объятия и сказала:

– Какой ужас, что ты видела все это своими глазами! Представляю, каково тебе сейчас! Но не переживай, мы ее найдем! Помяни мое слово! Говорю тебе, она отыщется уже сегодня утром!

Пэт повела небольшую поисковую группу улицами Пайкс-Кроссинга, а затем – в лес, граничивший с заповедником штата. Они отсутствовали все утро, потом вернулись на обед и снова ушли прочесывать лес. Пэт не уставала их подбадривать, утверждая, что они найдут Эрни уже сегодня.

Поначалу Ронда верила Пэт и даже позволила себе немного пофантазировать: как она поднимает трубку и слышит важное сообщение, как потом собирает

воедино все улики, которые приведут полицию к Эрни. И вот теперь на часах уже четвертый час – с момента похищения Эрни прошли ровно сутки. Пока же Ронда занималась в основном тем, что следила, чтобы кофейник был полон.

– Черт, – пробормотала она и взялась изображать бурную деятельность – раскладывать бумагу и ручки. Бесполезно. Личико Эрни Флоруччи смотрело на нее с разбросанных по столу листовок. «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА» крупным шрифтом было набрано сверху на каждом листке. Ниже – фотография Эрнестины, сделанная всего несколько недель назад. Вот она, в летнем сарафанчике в цветочек, сидит перед домом посреди жухлой желтой травы. На заднем плане виднеется пластиковый детский бассейн. Темно-каштановые волосы заплетены в косички. Крошечный носик весь в веснушках. Между двумя передними зубами – крошечная щербинка.

Слегка прищурившись, как будто солнце било ей в глаза, Эрни улыбалась в объектив. А может, просто пыталась рассмотреть что-то вдали.

– Прости, – прошептала Ронда малышке Эрни, складывая листовки аккуратной пачкой, затем откинулась на спинку стула и принялась ждать очередного телефонного звонка.

– Ну, что скажешь? – спросил Уоррен, отрываясь от экрана компьютера. У него были карие, шоколадного оттенка глаза. Слегка печальные и совершенно искренние, как глаза бассета. Ронда представила девушек в Пенсильвании, выстраивающихся в очередь за его вниманием.

– Ничего, – сказала Ронда, глядя куда-то в сторону.

Не вставая со стула, она повернулась, чтобы посмотреть, пришел ли Питер. Нет. Все еще в кабинете вместе с Кроули.

Другие волонтеры перешептывались о том, что на сегодняшний день Питер – главный подозреваемый. Согласно слухам, полиция наложила арест на «Фольксваген» Лоры Ли, в котором на переднем сиденье была обнаружена красная резинка с косички Эрни. Ронда сама слышала, когда пошла в кладовую, чтобы принести еще ручек, как Кроули спрашивал у Питера, есть ли у него ключи от машины тещи.

– Были, – сказал тогда Питер. – Но неделю назад я потерял связку ключей.

Ронда легко представила себе эту связку: с полдесятка ключей, прицепленных к открывашке, плюс талисман – белая кроличья лапка. Опасаясь, что ее застукают за подслушиванием, она схватила коробку с ручками и вернулась к телефону, где вновь забарабанила пальцами по столу в ожидании звонков. Что за бред! Кроули только теряет время, допрашивая Питера. Да что там, они все тратят драгоценное время!

Рядом с кассой, обняв за плечо молчаливую и заплаканную Труди Флоруччи, Пэт собрала небольшую пресс-конференцию.

– Такие моменты, как этот, – говорила она, – сплачивают людей. Не в привычках жителей нашего городка оставаться сторонними наблюдателями, когда случается беда. Нет, мы дружно выходим на поиски маленькой девочки. Помяните мое слово – мы найдем Эрнестину Флоруччи! Мы не успокоимся, пока не увидим ее в объятиях матери, целой и невредимой!

Ронда перехватила взгляд Уоррена.

– Господи, как же мне хочется, чтобы она оказалась права!

– Она права, – ответил Уоррен и закусил нижнюю губу. – Тетя Пэт редко ошибается. И если она что-то решила, ее уже не остановить. Она как ураган.

Ронда обвела взглядом помещение штаба. Здесь и впрямь царила бурная деятельность, которую Пэт развернула менее чем за сутки.

– В этом ты прав, – кивнула Ронда.

На данный момент она и Уоррен были единственными волонтерами. Питер застрял на допросе у Кроули. Остальные отправились на поиски.

– Так ты ей веришь? – спросила Ронда.

Уоррен поставил свой бумажный стаканчик, наклонился почти к самому ее уху и прошептал:

– Хочешь знать, во что я верю?

Он что, заигрывает с ней? Или это она начала первой?

Внезапно она устыдилась самой себя. Как вообще она могла думать о некоем смазливом парне, когда Эрни Флоруччи была похищена у нее на глазах, и теперь белый кролик держит малышку где-то под замком, если не хуже?

– Независимо от того, что случилось, мы не должны терять надежду, – сказал Уоррен, как будто читая мысли Ронды. – Мысли обладают силой, Ронда. Я в это верю. – Он откинулся на спинку стула, на минуту крепко зажмурился, затем снова открыл глаза и посмотрел на Ронду.

Она покачала головой.

– Силой обладают поступки, действия, – возразила Ронда. – Эрни сама по себе домой не вернется. Кто-то должен ее найти.

Пресс-конференция уже заканчивалась, когда в штаб вошла женщина в больничной униформе и белых больничных туфлях. Следом за ней шла девочка лет двенадцати. За плечами у нее был тяжелый с виду рюкзак, а сама она была красной и запыхавшейся, как будто всю дорогу бежала.

Женщина обняла Труди и что-то прошептала ей на ухо. Девочка же направилась к столам, открыла рюкзак и вытащила из него два больших пластиковых контейнера.

– Тут у меня для вас печенье и пирожные, – с улыбкой сказала она. Слова ее были обращены ко всем, но смотрела она на Уоррена. С внешностью всклокоченного плюшевого мишки тот наверняка был мечтой любой девушки. – Я испекла их сама. Меня зовут Кэти, – добавила она, протягивая Уоррену руку. – Я – кузина Эрни.

Кэти была в джинсах, матерчатых кроссовках и черной футболке с большеглазым персонажем анимэ. Затем Кэти протянула руку Ронде, та ее пожала, но Кэти продолжала пожирать глазами Уоррена. Ее длинные, прямые

светлые волосы были заплетены в косу. На зубах – брекеты, но Кэти, похоже, их совсем не стеснялась. Когда она улыбалась, а улыбалась она широко, металл поблескивал на ее зубах, словно драгоценный камень.

Уоррен снял крышку с коробки с пирожными брауни и сунул туда руку.

– У меня уже текут слюнки. Ты наша спасительница.

Кэти схватила пустой стул и поставила его между Рондой и Уорреном. Повернув его спинкой вперед, она уселась на него верхом и крепко обняла деревянную спинку.

– Есть что-то новое? – спросила Кэти. Вопрос был явно адресован Уоррену.

– Пока нет. Кроули вот уже минут сорок пять как разговаривает с механиком, который здесь работает, Питером, – доложил тот.

– Моя мать сказала, что они нашли машину, которой воспользовался тот тип, но не уверены, что ее хозяйка как-то к этому причастна. Это машина одной чокнутой бабули, которая даже не заметила ее отсутствия. Живет рядом с озером.

– Ты имеешь в виду Лору Ли Кларк, – сказала Ронда. Ей было слегка неудобно обсуждать подробности происшедшего с этой девчонкой. С другой стороны, даже неплохо познакомиться с кем-то из близких Эрни – хотя бы для того, чтобы узнать, что им сказала полиция.

– Это теща Питера, – добавил Уоррен. Похоже, он держал ухо востро, внимая всем слухам исплетням.

– Неофициальная, – поправила его Ронда. – В том смысле, что Питер и Ток так и не поженились.

– Но ведь у них есть ребенок? – уточнила Кэти. – Она еще подружка Эрни. Моя мама говорит, что Эрни приходила к ним домой играть. Этот Питер отлично ее знает.

– Это еще не значит, что он ее похитил. Я знаю Питера. Он бы никогда не сделал ничего подобного. Никогда. Готова спорить на что угодно.

Кэти и Уоррен переглянулись, правда, без особого энтузиазма.

– Вы что-нибудь знаете про рисунки? – спросила Кэти.

Ронда кивнула. Уоррен покачал головой.

– Что за рисунки? – спросил он.

– Эрни рисовала себя и этого кролика, как они вместе отправляются в разные путешествия. Как он берет ее на Кроличий остров. Готова спорить, что сейчас она именно там!

Уоррен нахмурился. Пожевал губу.

– Кроличий остров, – пробормотал он.

– Кэти, нам пора! – крикнула женщина в медицинском костюме. Ронда решила, что это ее мать. Труди все еще цеплялась за ее руку, как будто боялась упасть. Поймав на себе взгляд Ронды, Труди посмотрела на нее с такой ненавистью, что желудок у той тотчас провалился куда-то в самый низ живота.

– Еще увидимся, – сказала Кэти, вставая.

– Как хорошо ты знаешь Питера? – спросил Уоррен, как только они снова остались одни.

Хотя прошел уже почти час, Питер и Кроули по-прежнему сидели в кабинете Пэт. Ронда глубоко вздохнула и задумалась над ответом.

– Мы выросли вместе, так как были соседями. Он мне как старший брат.

– Знаю. Я поначалу решил, что вы с ним пара. Пока Питер не заговорил про жену и дочку, – сказал Уоррен.

– Они не женаты, – повторила Ронда, как будто это что-то меняло. – Но и мы не пара, – продолжала она, на миг представив альтернативную вселенную, в которой они с Питером были супружеской парой и жили долго и счастливо. – Мы просто хорошие друзья.

Ронда изобразила свою самую убедительную улыбку под названием «мне и так неплохо».

Уоррен кивнул и ущипнул свою бородку.

– Так как ты считаешь, он может быть к этому как-то причастен, или же Кроули напрасно тратит на него время?

– Без сомнений, – ответила Ронда. – Он просто тратит драгоценное время.

– Но если это и вправду была машина его тещи?

«Черт, разве я только что не сказала, что они не женаты?»

– Это пока точно не известно. Я даже подумываю, а не съездить ли мне к Лоре Ли? Интересно послушать, что она скажет.

– А мне можно за компанию?

– Что? Зачем тебе это?

– Из любопытства. К тому же чем еще мне заняться? Дядя Джим и тетя Пэт застряли здесь, а в городе знакомых у меня нет. Давай, покажи мне потрясающие виды Пайкс-Кроссинга! – Он одарил Ронду такой подкупающей улыбкой, сопротивляться которой она попросту не смогла.

– Не уверена, что в их число входит трейлер Лоры Ли. Да и сама бабуля с большим приветом, – предупредила Уоррена Ронда.

– Обожаю таких. Ну, давай, даже великие детективы позволяют себе «левые» прогулки.

– Ну, я не знаю… – уклончиво ответила Ронда и, подумав про Питера, посмотрела в сторону коридора, что вел в кабинет Пэт. Разве ей нужно его согласие или одобрение? Смех, да и только.

– Ну ладно, – согласилась Ронда. – Уговорил.

Трейлер лоры ли кларк стоял на фундаменте из шлакоблоков примерно в ста футах от берега озера. Сам трейлер был металлическим и когда-то розовым, как фламинго, но с тех пор краска выцвела и облупилась. Дворик трейлера представлял собой джунгли из садовых украшений: каруселей, птичьих кормушек, поилок, ванночек и прочих штуковин. Ронда провела Уоррена по лабиринту гномов, цветных зеркальных шаров на подставках, вырезанных из фанеры толстух, нагнувшихся, чтобы были видны их панталоны. Ронда пыталась сохранять видимость спокойствия, хотя внутри у нее все кипело. Пока они ехали сюда, она узнала, что Пэт, которая с самого утра была с ней любезна до противности, считала ее главной подозреваемой.

– Что твоя тетка сказала тебе, когда мы выходили? – спросила Ронда Уоррена. Было что-то подозрительное в том, что перед тем, как им уйти из мини-маркета, Пэт отвела племянника в сторону и что-то шепнула ему на ухо.

Услышав вопрос, Уоррен залился краской.

– Ну, давай, выкладывай, – подначила его Ронда. – Я думала, что передо мной неисправимый мистер Оптимист-окружи-себя-белым-светом-и-никогда-не-лги.

Уоррен усмехнулся и закусил губу.

– Ну, это вряд ли.

– Так все-таки, что она сказала? У вас обоих был вид заговорщиков.

– Она велела следить за тобой в оба, – признался Уоррен.

– Это почему же? Она думает, что в следующий раз кролик придет за мной? – До этого момента такое даже не приходило Ронде в голову. Ей вспомнилось, как кролик посмотрел в ее сторону.

Она была свидетелем.

– Не совсем, – уклончиво ответил Уоррен.

– Тогда в чем дело?

Уоррен вновь принялся кусать губы.

– Она считает… – Он на миг умолк, но потом заговорил снова, – что ты тоже можешь быть к этому причастна.

– Что? По ее мнению, я участвовала в похищении?! – почти выкрикнула Ронда.

– Успокойся, – сказал Уоррен. – Просто Пэт рассматривает все версии.

– И поэтому ты напросился поехать вместе со мной? Чтобы шпионить?

Ронда была в ярости. Если честно, она думала, что Уоррен предложил поехать вместе совсем по иным причинам.

– Нет, – улыбнулся он. – Я напросился потому, что, по-моему, ты очень даже симпатичная. – Он подмигнул. – Послушай, я вижу, что ты тут ни при чем. Я поговорю с Пэт.

Ронда крепко сжала руль и уставилась на дорогу, ведя машину к озеру. Они проехали мимо фермы Дюшарма – из дырки в придорожной изгороди высовывала широкую морду корова джерсийской породы, как будто хотела проверить, не сочнее ли на другой стороне трава.

– Кстати, что ты изучаешь в колледже? Информатику или что-то еще? – после нескольких минут молчания спросила Ронда.

Уоррен усмехнулся.

– Кино.

– Правда? Ты снимаешь фильмы?

– Снял всего один. Документальную ленту о месте, где я когда-то работал. «Город историй». Это такой тематический парк со зданиями и персонажами из классических историй. Ну, например, про женщину, которая жила в ботинке, про Джека и бобовый стебель. Типа того.

– Только не говори мне, что там есть большие белые кролики, – сказала Ронда.

– Нет, ни одного. И мой рассказ скорее о детях, которые там работают, чем о самих персонажах. Шалтай-Болтай толкал наркоту. Золушка спала с кем попало.

– А, понятно. Темная изнанка детских забав.

– Именно, – согласился Уоррен. – Скажу честно, когда я услышал, что девочку похитил кролик, я подумал, что это по моей части. В том смысле, что, когда Эрни найдут целой и невредимой, было бы неплохо снять про это фильм. Взять интервью у людей, и все такое прочее. Получилось бы классное кинцо, как ты считаешь? Вдруг это даже круче, чем та история с девочкой из Вирджинии?

Пригнув головы, чтобы не задеть свисающие с козырька кормушки, они шагнули на крошечное, покрытое искусственным газоном крыльцо. Уоррен позвенел китайскими колокольчиками, а Ронда постучала по входной двери.

– Если вы – чертовы газетчики, то я вам даже слова не скажу! – раздался голос из глубины трейлера.

– Лора Ли! Это Ронда Фарр!

– Ронни! Черт побери! Входи!

Лора Ли встретила их в кухне, отделанной в белых и бирюзовых тонах. Похоже, примерно с середины шестидесятых кухня ни разу не перекрашивалась и не убиралась.

Голову Лоры Ли венчали гигантские рыжие кудри. Чтобы накрутить такие, требовался не один час. А еще они были такие высокие и жесткие, что Ронда невольно задалась вопросом, как бедняжка Лора сохраняет равновесие под их тяжестью. Веки обитательницы трейлера были голубыми и серебристыми (можно сказать, почти в тон цветовой гамме кухни), на щеках – круглые пятна румян. Губы ярко-розовые.

На Лоре Ли были ярко-желтые брюки на штрипках и футболка с попугаем из блесток. В одной руке она держала стакан для коктейлей со смесью белого вина и апельсинового сока, в другой – сигарету.

– Я думала, вы из газеты. – Лора Ли слегка покачнулась им навстречу, затем так резко выпрямилась, что даже споткнулась. – Репортеры уже побывали здесь. Названивали мне целый день. В конце концов, я не выдержала и просто сняла с телефона трубку. Надеюсь, ты представишь мне своего очаровательного спутника? – Лора Ли потрепала Уоррена по щеке. – Какой симпатяга!

– Лора Ли! Это Уоррен. Он сегодня весь день работал со мной в волонтерском центре.

– В волонтерском центре? И для кого, если не секрет, вы собираете деньги? Для больных СПИДом? Для этих, как их там, бездомных? Ха! Или, может, для сирот? В любом случае я готова внести свою скромную лепту. Почему бы нет?

Она повернулась и, найдя на кухонном столе сумочку, принялась расстегивать на ней замок.

– Нет, это совсем другое, – сказала Ронда. – Пэт устроила в мини-маркете штаб по поиску Эрнестины Флоруччи. Мы отвечаем на телефонные звонки, делаем плакаты. Ну, в этом роде…

Лора Ли хмуро посмотрела на нее.

– Понятно, милочка. По-нят-но. Так вот почему ты здесь? Решила проверить, не прячу ли я эту маленькую голубку у себя под кроватью? Можешь не волноваться. Полиция уже проверила.

– Нет-нет, Лора Ли. Дело вовсе не в этом. Просто я надеялась, что вы расскажете нам про свою машину.

– Про мою машину? Буквально все хотят услышать про мою машину, черт ее побери. Полиция даже наложила на нее арест. Говорят, будто она была использована при похищении. И еще они якобы нашли какие-то улики. Ха! Я понятия ни о чем не имею! Я выезжаю на ней раз-два в неделю, не больше. Я вообще не садилась за руль с прошлого четверга. Чертова тачка все это время простояла на подъездной дорожке. Полицейские все утро промурыжили меня в отделении. Им, видите ли, хотелось узнать всю мою подноготную. Как тебе такой способ написания биографии?

– То есть вы не заметили отсутствия машины? – уточнила Ронда.

– Милочка, я была здесь и смотрела свое любимое кино. Все вентиляторы гудели вовсю. Я пропустила несколько стаканчиков сангрии – согласись, что я их заслужила. Да я бы не заметила, явись ко мне из ада сам дьявол, чтобы украсть мою машину. В окошки гостиной подъездной дорожки не видно, к тому же жалюзи были опущены, чтобы было не так жарко. Я ничего не слышала. Примерно в десять минут четвертого зазвонил телефон. Звонили из банка, предлагали мне страховку по сниженной ставке. Видите ли, я – образцовый клиент, у меня есть их кредитка и прочая хрень. Ха! Полицейские проследили этот звонок – он подтвердил, что я была дома. Как будто я собиралась переодеться этим чертовым пасхальным кроликом, чтобы похитить маленькую девочку. Абсурд! Можно подумать, им неизвестно, кто я такая.

Ронда удостоила Лору Ли кислой улыбкой и посмотрела на Уоррена. Интересно, как тот воспринимает все это? Похоже, что с удовольствием. Уоррен улыбался от уха до уха и, прежде чем Ронда сумела направить разговор в нужное ей русло, вмешался и все испортил.

– Вы ведь актриса, мисс Кларк? – спросил он.

– Ну да, актриса. Вы видели мои киноработы?

– Уоррен изучает киноискусство, – пояснила Ронда. – Снимает документальные ленты.

Услышав это, Лора Ли буквально засияла внутренним светом.

– Да, ваше лицо мне знакомо, – сказал Уоррен. – В каких фильмах вы снимались?

– В стольких, что уже не упомнить. В сотнях. Готова поспорить, если включить телевизор, там будут показывать фильм с моим участием.

Прежде чем они успели отговорить ее от этой идеи, Лора Ли направилась в кухню за пультом.

– Садитесь. – Лора Ли указала на выцветший диванчик, накрытый вязаным покрывалом. – Не обращайте внимания на африканку, – добавила она. Уоррен вопросительно посмотрел на Ронду. – Так я называю покрывало. Я набросила его, чтобы спрятать дырку в диване. Чертовы сигареты!

– Оно очень даже красивое, – сказала Ронда, трогая яркое, безвкусное покрывало, купленное на какой-нибудь гаражной распродаже, и с трудом удерживаясь от смеха. – Вы сами его связали?

– Черт возьми, нет, конечно. Купила на барахолке, – ответила Лора Ли, после чего переключила все свое внимание на телевизор. – Ну вот, что я говорила. «Землетрясение». В этом фильме я истошно кричу. Надеюсь, вы не пропустили этот эпизод. Работать с Чаком Хестоном было сущей мечтой. Плевать, что в жизни это размахивающий пистолетом псих, которому дай только поиграть в войнушку. – Она подняла руку, как будто упреждая любые возражения со стороны Ронды и Уоррена. – А вот Ава Гарднер была та еще стерва.

– Представляю, какая у вас была карьера! – сказал Уоррен. Ронда просунула руку под покрывало и ущипнула его.

– В кино нет такой вещи, как карьера. Ронда, милочка, скажу честно, я всегда слегка переживала по поводу того, что ты не связала свою жизнь с театральными подмостками.

– Я? – удивилась Ронда.

– Я это к тому, что детьми вы ставили спектакли в лесу, но только у тебя имелся талант. Я такое вижу с первого взгляда. У тебя был дар. – Лора Ли повернулась к Уоррену. – Эх, видел бы ты ее. Она была просто великолепна. Ее последняя роль – Венди из «Питера Пэна». Помню, она растрогала меня до слез. Сколько тебе тогда было, дорогая моя? Лет десять-одиннадцать?

Ронда кивнула.

– Никогда не понимала, зачем вы сломали ту сцену? Она тогда рухнула вам едва ли не на головы. А ведь вас могло и убить. И ради чего?

Ронда пожала плечами.

– Это было так давно. Я даже не помню. – Она подняла руку и, смахнув со лба челку, потрогала тонкий шрам над левой бровью.

– Нет, ты только представь себе! – сказала Лора Ли Уоррену. – Когда рухнула задняя стенка, они с Питером порезались в одном и том же месте. Обоим потом накладывали швы. У них одинаковые шрамы. Покажи ему, дорогуша, пусть твой молодой человек увидит шрам.

Ронда, наоборот, пригладила челку и покачала головой.

– Попроси Питера, чтобы он показал тебе свой, – продолжала Лора Ли. – Это надо же, даже в голове не укладывается! Два совершенно одинаковых шрама!

Уоррен выжидающе посмотрел на Ронду. Та уставилась в телевизор. На экране покрывалась трещинами огромная дамба. Ронда была не большой любительницей фильмов-катастроф 1970-х годов. Да и вообще любых фильмов, снятых в то время. Все они были какими-то запутанными, с обилием персонажей. Ей подумалось, что было бы неплохо обсудить эту тему с Уорреном.

– Лора Ли, – произнесла Ронда, – вы можете сказать мне, у кого еще имелись ключи от вашей машины?

Лора Ли театрально вздохнула.

– Снова эта машина, пропади она пропадом. Конечно, дорогая. Только у двоих. У Питера и у Ток.

Если честно, Ронда надеялась услышать другой ответ.

– И больше ни у кого? – уточнила она.

Лора Ли на минуту задумалась.

– Эта машина у меня с 1979 года. Ты можешь в это поверить? И я купила ее подержанной! Такие вещи вечны. Конечно, зимой я ставлю ее в гараж и вообще не слишком много на ней езжу. Ведь куда мне ездить в моем-то возрасте? Ха! Нет, дорогая. Ключей от нее больше ни у кого нет. Разве что…

– Разве что?

– Ничего. Это было сто лет назад. Теперь это уже не имеет значения. – Лора Ли потянулась за стаканом сангрии и какое-то время смотрела в него, тревожно насупив брови, как будто среди кубиков льда там был крошечный утопающий.

– Что такое? – спросила Ронда.

– Дэниэл. В свое время я давала ему пользоваться моей машиной. У него имелся свой ключ.

* * *

Она называет его машину субмариной, и это ему нравится. Он делает вид, будто устанавливает перископ и смотрит вперед. И даже дает заглянуть в него.

– Акул нет, – говорит она ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

День поминовения – национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая; посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие. – (Здесь и далее прим. переводчика).

2

«Рокеттс» – нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 году в г. Сент-Луис.

3

«Мое страдающее сердце» (1992) – лирическая песня в стиле кантри, написанная Доном Вон Трессом и исполненная певцом Билли Рэем Сайрусом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-makmahon/ostrov-poteryannyh-detey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить